

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 340.130.2

А.И. ИЛАЛУТДИНОВ,

аспирант

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

СТРУКТУРА НОРМЫ ПРАВА И ПЕРВИЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

Статья посвящена анализу понятия и видов первичных правовых средств в контексте структуры нормы права. В частности, рассмотрены первичные правовые средства в качестве составных частей классических элементов нормы права, выявлено видовое разнообразие правовых средств применительно к гипотезе, диспозиции и санкции.

Исследование структуры нормы права всегда играло важную роль в ходе познания механизма нормативного конструирования, а также взаимодействия правовых регуляторов между собой. В настоящее время в процессе такого изучения большое значение приобретает теория правовых средств, которая во многом способствует раскрытию строения элементов нормы. Данное обстоятельство вызывает необходимость соотнесения теоретических знаний о правовых средствах и представлений о структуре нормы в целом, включая ее элементы.

В первую очередь отметим, что природа и сущность правовых средств на общетеоретическом уровне стали объектом пристального внимания ученых сравнительно недавно, что в свою очередь объясняет наличие разнообразных трактовок данной категории в научном мире [1, с. 72; 2, с. 14; 3, с. 66]. Не вдаваясь в перечисление имеющихся в науке подходов, согласимся с тем, что наиболее оправданным является рассмотрение правовых средств именно как институционально-деятельностных правовых явлений [4, с. 125]. Данная позиция позволяет нам говорить о том, что любое правовое средство представляет собой способ достижения целей, а именно способ удовлетворения интересов. Вне достижения конкретной цели то или иное явление средством быть не может.

В юридической науке правовые средства, как правило, классифицируются на средства установления и средства деяния (технологии). При этом отмечается, что «игнорирование средств деяний и упор только на институциональную сторону понимания юридических средств не позволяет полноценно учитывать все те факторы, с помощью которых можно достичь поставленных целей. Ведь результат невозможно получить только посредством субстанциональных явлений, которые автоматически не приводят к нужному эффекту. Требуется еще и деяния, усилия, активность, связанные с использованием предоставленных в законодательстве инструментов» [5, с. 20]. Все это говорит о том, что достижение правового эффекта в механизме правового регулирования невозможно без должного сочетания, взаимодействия средств-установлений и средств-деяний.

С учетом сказанного полагаем, что правовые средства в широком смысле можно определить как инструменты юридического действия (возможные или необходимые способы юридически значимого поведения; то, что позволяет действовать юридически значимо). Существование правовых средств зависит от их вовлечения в правовые процессы, направленности на достижение целей в праве. Так, например, если норма права носит декларативный характер и не применяется на практике, то она не участвует в достижении

целей законодательства, не является правовым средством этих целей.

По нашему мнению, совершение юридически значимых действий всегда основывается на средствах-установлениях, в то время как отсутствие целенаправленности правового средства, то есть невозможность его применения в правовых процессах и действиях, превращает его в мертвый механизм. Следовательно, средства-установления и средства-деяния неразрывно связаны друг с другом, их существование по отдельности невозможно. Правовое средство становится таковым только тогда, когда оно одновременно установлено позитивным правом и используется (реализуется) для достижения целей.

Следует согласиться с тем, что все правовые средства можно разделить на первичные (элементарные) и комплексные (составные) феномены [6, с. 78]. Согласно С.С. Алексееву, первые носят субстанциональный характер, образуют «вещество», «тело», «материю» права как объективной реальности, являются «первичными» при решении любого юридического дела. Все остальные средства – это комбинации [7, с. 219]. По мнению А.В. Малько, если к первичным правовым средствам относятся простейшие и неделимые предписания – субъективные права и юридические обязанности, поощрения и наказания, льготы и запреты и т.п., то к комплексным – комбинированные правовые средства, состоящие из простейших, – договор, норма, институт, правовой режим и прочее [8, с. 366].

По нашему мнению, первичные правовые средства характеризуются тем, что, во-первых, сами по себе не обладают регулятивными свойствами, во-вторых, как верно указывается, являются «строительным материалом» права. Так, например, с точки зрения А.В. Малько, нормы права состоят из первичных элементарных частиц, к которым относятся такие юридические средства, как юридические факты, субъективные права и обязанности, поощрения и наказания [9, с. 67]. Однако сами по себе ни субъективные права, ни юридические обязанности, ни наказания, ни поощрения регулировать ничего не могут. Данное свойство они приобретают только в своем единстве, комбинации, посредством установления законодателем (правотворцем) и правоприменителем необходимых между ними связей.

Исходя из изложенного, следует четко представлять, что, с одной стороны, мы можем рассматривать первичные правовые средства в рамках регулятивных правовых средств (правовых регуляторов) – здесь они будут выступать в качестве их структурных частей и, соответственно, будут участвовать в регулировании общественных отношений, а, с другой стороны – как технико-правовые средства, не обладающие регулятивными свойствами.

Рассмотрение первичных правовых средств в качестве структурных частей правовых регуляторов в научно-методологическом плане имеет важное значение для развития современной юриспруденции. В настоящей статье данный подход использован для теоретического анализа исключительно норм права, поскольку его раскрытие применительно к структуре таких правовых регуляторов, как принципы права, индивидуальные правоположения, правовые обычаи, требует отдельного, объемного научного исследования.

Впервые идея о первичных правовых средствах как составных частях структуры нормы права была изложена С.С. Алексеевым. Она получила свое развитие в работах А.В. Малько, М.Н. Марченко, Ф.Н. Фаткуллина и ряда других ученых. В трудах данных авторов прослеживается структурирование классических элементов нормы права именно на разнообразные первичные правовые средства. Полагаем, что проблемным представляется определение самого перечня таких средств. Так, например, А.В. Малько выделяет дозволение, запрет, субъективное право, юридическую обязанность, приостановление, наказание, поощрение, пресечение, законный интерес, льгота, компенсация, иммунитет, привилегия и т.д. [5, с. 58–59]. Однако более детальное их изучение позволяет сделать вывод, что не все указанные автором правовые средства являются первичными, некоторые из них являются просто частным случаем более обобщенных видов. Например, во многих случаях правовая льгота является поощрительной мерой и относится к такому правовому средству, как поощрение (выступает как разновидность поощрения). Отнесение законных интересов к правовым средствам представляется и вовсе сомнительным, поскольку не соответствует их сущностным признакам. Законный интерес – это стремление к удовлет-

ворению потребностей, участвующее в формировании цели [10, с. 82–83, 88]. Следовательно, можно предположить, что средством достижения сформированной цели законный интерес быть не может. Хотя следует отметить, что здесь мы сталкиваемся с вопросом, может ли средство формировать цель, который в философии в принципе представляется проблемным. В этой связи однозначный ответ дать достаточно не просто.

Полагаем, что для более понятного раскрытия составляющих норму права первичных правовых средств целесообразным представляется их анализ в рамках элементов нормы, а именно гипотезы, диспозиции и санкции, что требует рассмотрения классических элементов нормы права.

По нашему мнению, при анализе элементов гипотезы следует руководствоваться тем, что ее основной функцией является определение условий возникновения, изменения или прекращения признаваемых и обеспечиваемых государством возможностей и долженствований субъектов. В этой связи можно сказать, что определение гипотезы как «нормативно обозначенных условий осуществления правил правового поведения» [11, с. 91], в принципе, отражает сущность данного элемента.

Гипотеза предполагает наступление тех или иных жизненных обстоятельств для реализации модели поведения, содержащейся в диспозиции [12, с. 246]. Она вводит в правовое пространство указанные в ней жизненные ситуации (случаи, эпизоды), либо конкретные жизненные обстоятельства.

Отсюда, содержанием гипотезы выступают государственно значимые условия. В этой связи возникает вопрос о возможности их квалификации как первичных правовых средств.

Как нам представляется, ответ на него должен быть положительным, поскольку среди правовых средств выделяются не только средства-способы (выражаются в специальных методах и формах человеческой деятельности) и средства-предметы (инструментальная основа практики), но и средства-условия (реальные жизненные обстоятельства, существование которых способствует наступлению конкретного результата) [6, с. 24].

Диспозиция в большинстве определений раскрывается как часть нормы, которая указывает на

содержание самого правила поведения, то есть на юридические права и обязанности, возникающие у субъектов [13, с. 8]. Сразу возникает вопрос – а исчерпывается ли диспозиция только правами и обязанностями субъектов?

Исходя из анализа выделяемых в научной литературе разновидностей диспозиции нормы права (представительно-обязывающие, управомочивающие, обязывающие, уполномочивающие, запретительные, рекомендательные, поощрительные, запретительные, ограничительные диспозиции) [14, с. 237], следует, что в ней могут содержаться не только права и обязанности субъектов, но и другие первичные правовые средства, а именно запреты, ограничения, полномочия и свободы, которые, собственно, и выступают в качестве структурных элементов диспозиции нормы.

Данным правовым явлениям посвящена обширная научная литература, поэтому в настоящем исследовании мы не будем останавливаться на их детальном рассмотрении. Отметим лишь, что наиболее проблемным в настоящее время является вопрос, что собой представляют ограничение и запрет? Так, например, по мнению А.В. Малько, «запрещение определенного действия эквивалентно обязанности не совершения определенного действия» [15, с. 5], то есть запрет выступает как обязанность пассивного воздержания от того или иного поведения. Такой подход мы находим и в работах С.С. Алексеева, который отмечает, что с регулятивной стороны запреты выражаются в юридической обязанности пассивного содержания – обязанности воздерживаться от совершения действий известного рода [7, с. 225]. С этой точки зрения запрет выступает в качестве разновидности обязанности. Однако в достаточной ли мере указание лишь на пассивную обязанность отражает существо правового запрета? Дискуссионность данного вопроса связана с тем, что до настоящего времени нет единого мнения по поводу того, что же включать в понятие правовой нормы вообще [16, с. 39].

Указанное в полной мере относится и к ограничению, направленному, по сути, на уменьшение для субъекта количества возможностей действовать определенным образом. Запрет действовать субъекту здесь выражен опосредованно.

В целом хотелось бы отметить условность выделения запрета и ограничения в качестве са-

мостоятельных первичных правовых средств в настоящем исследовании, поскольку их отличие от юридической обязанности требует отдельного научного обоснования.

В юридической науке распространенной является трактовка санкции как элемента, указывающего на неблагоприятные последствия, возникающие в результате нарушения диспозиции правовой нормы, как меры правового принуждения, следующей за нарушение диспозиции.

В настоящее время можно утверждать, что санкция нормы может включать в себя не только негативные последствия в виде наказания, но и позитивные – в виде поощрения при ее сверхвыполнении в случаях, предусмотренных законом. Обоснование данного вывода нашло свое отражение в ряде фундаментальных и научно-исследовательских работ [17; 18]. Важным для нас является то обстоятельство, что недостаточно сведения санкции нормы только к негативным последствиям для нарушителя, она гораздо богаче по своему функциональному потенциалу.

По нашему мнению, принуждение – это не отличительный и не исключительный признак санкции нормы права. Санкция определяется также наличием в своем содержании мер, которые по своему правовому эффекту не идентичны средствам, установленным в диспозиции. Эти меры – поощрение или наказание, по своей сути, влекут дополнительные лишения или выгоду для субъекта права. Например, нарушитель договорного обязательства, обязан не только его исполнить, но и претерпеть, возможно, неблагоприятные последствия своего поведения. В этой связи можно предположить, что отличительной особенностью санкции как раз и является связывание права и обязанности с конкретными мерами, поскольку последние несут негативные (сверхпозитивные) последствия для субъектов, изначально не заданные в жизненной ситуации, то есть их наступление всецело зависит от поведения сторон правоотношения.

В контексте анализа первичных правовых средств, содержащихся в элементах нормы права, важным для нас представляется также то, что они могут иметь свои разновидности и свою структуру. Так, например, первый тезис подтверждается обоснованной позицией И.С. Морозовой, выделяющей среди правовых средств, используемых,

например, в механизме льготирования, компенсации, субсидии, субвенции, дотации, привилегии и иммунитеты [19], которые выступают видами правовых льгот в целом. Структурированность же первичных правовых средств в полной мере подтверждается исследованиями в области отраслевых юридических дисциплин. Например, не вызывает сомнений, что субъективное вещное право структурируется на правомочие совершения собственных активных действий по отношению к имуществу (вещи) и правомочие требования соответствующего поведения от обязанного субъекта [20, с. 77]. Несмотря на дискуссионность вопроса о количестве правомочий, выделяемых в субъективном праве, его структурирование как минимум на два правомочия убедительно доказывается в научной литературе.

Также отметим, что структура какого-либо первичного правового средства может изменяться в зависимости от сферы его применения. Например, если структура субъективного вещного права включает два определенных правомочия, то это не значит, что структура интеллектуального субъективного права будет такой же. Так, по мнению А.С. Аникина, содержание исключительного права представлено тремя правомочиями: правомочие на действия с объектом права, которое складывается из двух субправомочий (использования объекта и обладания объектом); правомочие требования, которое складывается из двух субправомочий (возможности предъявить требование о надлежащем исполнении юридической обязанности и возможности прибегнуть к применению мер правоохранительного характера); правомочие распоряжения правом, состоящее из трех субправомочий (возможности прекращения, обременения права и определения правопреемника на случай перехода права в порядке универсального правопреемства) [21, с. 7–8]. Отсюда можно сделать вывод, что первичные правовые средства по своей структуре могут различаться не только в рамках их видовой принадлежности (субъективное право, юридическая обязанность и т.д.), но и применительно к конкретной разновидности правовых средств, сфере ее применения.

Вышеизложенное позволяет сделать два основных вывода.

Во-первых, все правовые средства можно разделить на первичные (элементарные) и комплекс-

ные (составные) феномены. Первичные правовые средства являются компонентами нормы права, выступая своеобразными структурными элементами гипотезы, диспозиции и санкции. Первичные правовые (техничко-юридические) средства приобретают регулятивные свойства только в своем единстве, в комбинации, посредством установления законодателем (правотворцем) и правоприменителем необходимых между ними связей. Комплексные правовые средства представляют собой целостные комбинации взаимосвязанных первичных правовых (техничко-юридических) средств.

Во-вторых, понимание нормы права как инструмента институционализации системы правовых средств подразумевает, что структура юридических норм на уровне первичных правовых средств может быть разной, поскольку каждое правовое средство, а следовательно, и закрепляющая его норма, решает свои специфические задачи. Например, субъективные права и запреты преследуют прямо противоположные цели, поэтому и соответствующие им нормы будут различаться по своему содержанию.

Список литературы

1. Минц Б.И. Понятие и роль правовых средств в хозяйственных отношениях // Правоведение. – 1983. – № 2. – С. 69–74.
2. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19.
3. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 66–77.
4. Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовые средства в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 149 с.
5. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 250 с.
6. Шундилов К.В. Цели и средства в праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – 182 с.
7. Алексеев С.С. Теория права. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
8. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Юристъ, 2001. – 656 с.
9. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 66–77.
10. Субочев В.В. Законные интересы / под ред. А.В. Малько. – М.: Норма, 2008. – 495 с.
11. Астанин А.В. Гипотеза как элемент правовой нормы: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 189 с.
12. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – 480 с.
13. Крашенинников Е.А. Гражданско-правовые нормы // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 2. – С. 6–13.
14. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие – Казань: КЮИ МВД России, 2003. – 351 с.
15. Малько А.В. Правовые ограничения как принудительные средства // Атриум. Сер. «Юриспруденция». – Тольятти, 1997. – Вып. 2. – С. 5–10.
16. Краснов А.В., Рыбушкин Н.Н. Запрет и санкция нормы права в контексте предмета и метода правового регулирования // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2010. – Т. 152, кн. 4. – С. 36–43.
17. Краснов А.В. Правовые санкции в экономической сфере: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1999. – 188 с.
18. Сатина Э.А. Основные аспекты правового санкционирования: дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2001. – 202 с.
19. Морозова И.С. Механизм реализации правовых льгот. – URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9640/07.pdf>
20. Буднева О.Г. Абсолютность вещных правоотношений // Вестник Института экономики, управления и права. Серия 2 / под общ. ред. доц. З.А. Ахметьяновой. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2009. – С. 70–77.
21. Аникин А.С. Содержание и осуществление исключительных прав: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 27 с.

В редакцию материал поступил 27.09.11

Ключевые слова: норма права; структура нормы права; первичные правовые средства; гипотеза нормы; диспозиция нормы; санкция нормы.